

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-792-811>

Научная статья / Research article

Отношения земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг.

И.М. Федина

Кубанский государственный университет

350040, Россия, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

ir_Lap@mai.ru

Аннотация: В статье рассматривается отношение жителей кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в послереволюционный период. На основе анализа архивных источников анализируется отношение жителей станиц к земельной и налоговой политике Советского государства, влиявшее на настроения сельских жителей, характер взаимоотношения казаков и иногородних в ходе проведения землеустроительной кампании. Исторический регион Кубань задавал автору один из общих алгоритмов научного поиска в изучении отношения земледельцев к советской модернизации, формируя предмет и проблему для исторического анализа. Исторические реалии жизни кубанских станиц 1920-х гг. интересуют многих исследователей, краеведов. Несмотря на возрастающий интерес к истории региона, настроения и отношение местного населения к аграрным преобразованиям советской власти не получили широкого освещения, тогда как эти мероприятия правительства большевиков не только вели к искоренению традиционной казачьей культуры, но и коренным образом влияли на социально-экономический и культурный облик кубанских станиц, на утрату самобытности казачьего социума. В статье анализируется роль органов советской власти в установлении социалистических порядков в 1920-е гг., целью которых было формирование просоветских настроений среди кубанских земледельцев-хлеборобов. В этих целях партийно-советскими структурами использовались различные средства и способы воздействий. Поэтому изучение настроений и отношения к мероприятиям советской власти местного населения являлось важным каналом получения информации. Одновременно в 1920-е гг. органы советской власти развернули масштабную идеологическую работу для формирования советских ориентиров и архетипов ментальности в сознании населения Кубани. Социальной опорой выступали беднота и иногороднее население. Автор приходит к выводу, что механизмы изучения настроений, контроля и принуждения кубанских хлеборобов позволяли властям проводить достаточно успешную кампанию по советизации кубанских станиц и привлечению новых прозелитов на свою сторону.

Ключевые слова: казачьи станицы, землеустроительная кампания, советизация, Кубань, земледельцы, хлеборобы, настроения, советская власть

Для цитирования: Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е годы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2018. Том 17. № 4. С. 792–811. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-792-811>

Введение

Аграрная политика большевиков после Октября 1917 г. изменила не только отношение к частной собственности на землю, но и к организации сельскохозяйственного производства в целом. Если в начале на волне борьбы за власть большевики согласились с эсеровским лозунгом социализации земли, то постепенно в основу аграрных преобразований они заложили теоретический конструкт пролетарской национализации земли. Актуальность темы исследования определяется прежде всего аграрной направленностью региона, основным видом деятельности которого до сих пор является сельскохозяйственный вектор развития. В 1920-е гг. сельское хозяйство на Кубани было построено по принципу индивидуальных хозяйств. Основой его являлось земледелие и, как подсобное, – скотоводство, садоводство и пр. Прежде всего отменялась частная собственность на землю, а затем возобладало и отрицательное отношение к индивидуальным формам производства. Однако советская власть на этапе раннесоциалистического государства в своей аграрной политике все же пошла на уступки с введением уравнительного землепользования, которое трактовалось как право сельских жителей самостоятельно избирать форму пользования землей из четырех вариантов: подворного, хуторского, общинного или артельного.

Кардинальные изменения аграрной политики в постоктябрьской кубанской станице не могли не отразиться на сельском населении, на социально-экономических функциях поселений и отношении сельских хлеборобов к советским преобразованиям. Процессы советской модернизации сказывались на численности населения, на выборе преимущественного типа поселений. В качестве антипода индивидуальной форме хозяйствования советская власть выдвинула крупные структуры с коллективными формами. Новые власти приступили к внедрению «Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»¹, утвержденному постановлением ВЦИК от 14 февраля 1919 г., которое было ориентировано на переход от сложившихся единоличных форм хозяйствования и общинной поселенческой организации к крупным советским хозяйствам (коммунам, сельскохозяйственным артелям, тозам и др.) с административными органами управления.

¹ Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_442.htm

После окончательного установления советской власти на Кубани в 1920 г. учреждается Кубано-Черноморская область. Административно-территориальные границы в Кубано-Черноморской области подвергались постоянным изменениям, в связи с проведением волостизации и районирования. В результате районирования 1924 г. появились четыре округа (Армавирский, Кубанский, Майкопский и Черноморский), входившие тогда в состав Северо-Кавказского края.

Представленная статья основывается на собранных и систематизированных автором документах, прежде всего архивных, большая часть которых представлена в фондах Государственного архива Краснодарского края, Центра документации новейшей истории Краснодарского края, Архива МВД Краснодарского края, касающихся вопросов земельной политики и отношения населения к советской власти на Кубани.

При написании статьи автор опирался на методологические конструкты, обуславливающие понимание исторического процесса, находящегося под воздействием комплекса экономических, социальных и политических факторов. В качестве методологической платформы выступают сочетание общенаучных методов историзма, объективности и системности, последовательное применение которых позволяет воссоздать целостную историческую картину изучения настроений и отношения хлеборобов к преобразованиям советской власти.

Утверждение советской идеологии в жизни общества сдерживало творческие процессы в исторических исследованиях, загоняло их в строго определенные социально-классовые схемы, когда на первый план выдвигалась идея социально-классовой борьбы. Примечательные исторические сюжеты можно встретить в трудах Конюкова И.А.², И.М. Клейнера³, И. Гольдентула⁴ и др. Причем И. Гольдентул публикует работу о земельных отношениях на Кубани, где четко обозначается социально-классовый антагонизм между казаками и иногородними.

В середине 1960-х гг. изучение сельского мира продолжает Куценко И.Я.⁵ В своих трудах историки-аграрники обращали внимание преимуще-

² *Конюков И.А.* О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар: Адыгчеркпромторг, 1928.

³ *Клейнер И.М.* Действительность кубанской станицы (материалы к VIII Кубано-Черноморской областной партконференции). Краснодар: Буревестник, 1924.

⁴ *Гольдентул И.* Земельные отношения на Кубани: краткий очерк / репринт. издание 1924 г. Краснодар: Традиция, 2009.

⁵ *Куценко И.Я.* Борьба парторганизаций Кубани за вовлечение в социалистическое строительство казачьего населения в 1920–1925 гг. // Материалы докладов по итогам научной работы вузов Краснодарского края за 1962 г. Краснодар: [Б.и.], 1963. С. 42–98.

ственно на социально-экономический аспект, трансформацию хозяйства кубанского казачества. Экономический детерминизм буквально пронизывал исследовательскую практику, и на этом фоне историками показывались социальные отношения.

В 1970-е – 1980-е гг. на фоне возраставшего интереса к истории российского крестьянства складывалась кубанская школа историков-аграрников, изучавшая различные аспекты аграрной истории Кубани⁶. В целом же советский период историографии, несомненно, имел важное значение в плане накопления знаний, аккумулирования конкретно-исторических материалов и их анализа в рамках марксистско-ленинской методологии. Круг исследуемых проблем к концу советского периода историографии значительно расширился, но основное внимание исследователей по-прежнему сосредотачивалось на аграрной эволюции и социалистических преобразованиях. Проблемы социальной истории 1920-х гг. стали предметом исследований и в зарубежной историографии⁷.

Постсоветский этап историографии характеризуется расширением круга изучаемых аспектов. На региональную историографию заметное влияние оказало в этот период начавшееся возрождение казачества, в связи с чем появляются публикации, посвященные различным сюжетам из истории казачества Юга России⁸. Особый научный интерес вызывают у исследователей различные аспекты советской модернизации 1920-х гг. в области аграрных отношений, в том числе на Кубани⁹.

⁶ Бабичев М.М. К вопросу о земельной политике Советской власти на Кубани в 1920–1924 гг. // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар: [Б.и.], 1974. С. 49–61; Щетнев В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Краснодар: [Б.и.], 1974. С. 22–52.

⁷ Teddy J. Uldricks, “Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s,” *The International History Review* 1, no. 1 (Januar 1979): 55–83.

⁸ Чернопицкий П.Г. Советская власть и казачество // Проблемы казачьего возрождения. Ч. 2. Ростов н/Д: Изд-в Ростовского университета, 1996. С. 84–88; Перехов Я.А. Казачество и власть: поиск консенсуса // Возрождение казачества: история и современность. Ростов н/Д: Гефест, 1995. С. 84–88.

⁹ Карелин Е.Г. «Западная область госплана»: из истории экономического районирования страны в 1920 гг. // Российская история. 2010. № 10. С. 15–18; Скорик А.П. Казаки Юга России и советская власть в 1917–1929 гг.: взаимоотношения в преддверии «великого перелома» // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д.: Южный научный центр, 2010. С. 190–201; Роголина Н.Л. Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ XX века // Российская история. 2011. № 4. С. 3–13; Панкова-Козочкина Т.В. Работники сельских советов 1920-х гг.: номенклатурные подходы большевиков и социальные требования крестьянства (на материалах юга России) // Российская история. 2011. № 6. С. 136–145; Она же. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации

Вместе с тем в историографии проблемы по-прежнему первостепенное внимание уделяется социально-политическим аспектам советского строительства, при этом публикаций, анализирующих отношение к советским аграрным преобразованиям периода НЭПа на Кубани, в том числе протестным акциям со стороны местного населения, явно недостаточно, что актуализирует выбор данной темы исследования.

Землеустроительная кампания 1920-х гг.

Эпоха раннесоциалистического советского государства ознаменовалась для кубанцев, прежде всего, изменением главного вектора хозяйственного развития, когда большевики и советская власть стали целенаправленно продвигать коллективные формы организации сельскохозяйственного производства. Эта генерализующая платформа аграрной политики Советского государства не находила широкой и однозначной поддержки у населения Кубани.

Развернутая в 1920 г. на Кубани крупная землеустроительная кампания, призванная «разгородить» землю и уравнивать в земельных правах население, стала основным катализатором не только отношений между казачеством и иногородним населением, но и массовой миграции, выразившейся в том числе и во внутреннем расселении станиц, в сокращении казачьих «старых» поселений и появлении новых населенных пунктов.

Одной из главных задач землеустроительной кампании 1920-х гг. являлось уничтожение крупной земельной общины и образование из нее ряда земельных единиц, которые были бы гибкими к восприятию политики властей. Вместо крупных, зажиточных казачьих станиц всячески поощрялось создание более мелких образований, легко контролируемых властями. В целях изменения порядка землепользования на Кубани развернулось новое межевание земель. Основными задачами проведения землеустроительных работ в Кубанском округе назывались: «1) Устранение сословного неравенства в отношении землепользования между иногородними и казаками путем наделения земель безземельного иногороднего населения, занимавшегося сельским хозяйством на арендованной земле или в качестве батраков на территории земельных обществ вплоть до издания закона о трудовом землепользовании 22 мая 1922 г., и наделение земледельческого

ции аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012; *Скорик А.П., Федина И.М.* Кубанский хутор: фазы топохромной эволюции (конец XVIII – первая треть XX в). Новочеркасск: Лик, 2016; *Кондрашин В.В.* Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект. Москва; Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017; и др.

населения, прибывшего на Кубань после 22 мая 1922 г. А также ликвидация земельного неравенства среди казачьего населения путем применения однообразной разверсточной единицы по округу на едока; 2) Дробление землепользования многодворной общины на отдельные земельные общества оптимальных наивыгоднейших размеров в целях смягчения и ликвидации дальнеземелья; 3) Отвод земель при хозяйственных переделах отдельным группам граждан в целях агрокультурной организации населения и создания предпосылок к кооперированию; 4) Ликвидация однополюя и введение общественных многополюных севооборотов; 5) Помощь бедноте при землеустройстве и хозяйственном переделе путем устройства ее на ближайших к местам поселения землях лучшего качества; 6) Организация коллективных форм землепользования и ориентировка на общинно[-]поселковую форму с допущением в исключительных случаях единоличных хуторов и отрубков»¹⁰.

В 1920 г. началась кампания по советизации Кубани и по всем волостям было разослано директивное письмо следующего содержания: «Признавая настоящую политическую ситуацию наиболее благоприятной для советизации области, Кубчерревком постановил в течение декабря месяца провести Советскую систему на Кубани. Наличие антисоветского настроения среди значительных групп казачества и пассивность казачьей бедноты и иногородних должны побудить органы к особой бдительности при проведении советизации»¹¹.

По мнению Т.В. Панковой-Козочкиной, особенностью Кубани стало проведение двух кампаний по советизации¹². На первом этапе советизация проходила неудачно ввиду «непрочности советской власти», экономической разрухи и пассивного настроения населения. Однако уже 10 ноября 1921 г. Кубано-Черноморский областной комитет объявил о начале второй массовой кампании по советизации Кубано-Черноморской области, которую планировали провести в кратчайшие сроки. Одним из лозунгов кампании стало привлечение на сторону советской власти казачества, которое в большой массе своей противостояло советизации. Прорабатывалась ставка на трудовое казачество и вовлечение его в советское строительство. При этом органы советской власти оказывали существенную поддержку бедняцкой части населения и середнякам, в противовес зажиточным казачьим хозяйствам. В частности, они использовали такие средства, как «кон-

¹⁰ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 890. Оп. 1. Д. 75 а. Л. 786.

¹¹ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 29. Л. 31.

¹² *Панкова-Козочкина Т.В.* Казачье-крестьянское самоуправление... С. 98.

трактация, спряжки, договоры прикрепления безынвентарных хозяйств к инвентарным».

Многочисленные конфликты на почве проведения землеустроительных работ оказывались лишь вершиной айсберга, имя которому – сословное неравенство в отношении землепользования. И здесь у каждого была своя правда. Для кубанского казачества, в чьем распоряжении до начала всех революционных катаклизмов находилась основная часть земельного фонда Кубани, сохранение прежних порядков землепользования выступало важнейшей социальной и экономической задачей. Поэтому казачество стремилось максимально сохранить принадлежащие им ранее земли. С другой стороны, для иногороднего населения, переселившегося на Кубань, земельный вопрос являлся сверхактуальной задачей, что требовало незамедлительных мер. При проведении землеустроительных работ власти руководствовались социально-классовым подходом в наделении землей. Все население Кубанского округа разделили на три экономических группы: бедняки, середняки и зажиточные. Беднота получала в свое распоряжение земельные угодья не только самого лучшего качества, но и на ближайших к поселениям земельных площадях. Среднякам выдавали земли хорошего качества на приемлемом расстоянии от поселений. Зажиточным же оставляли для распределения самые дальние земли худшего качества, поскольку «кои были обеспечены капиталом»¹³.

Казачество всячески мешало проведению землеустройства и наделению так называемого иногороднего населения землей, заявляя им: «Убирайтесь в Россию, земли вам нет»¹⁴. Ввиду экономической несостоятельности бедняцких иногородних хозяйств казачество всячески препятствовало наделению землей иногороднего населения. На собраниях казаки утверждали: «иногородним землю не пахать, а если кто из казаков будет пахать, то того или убивать или пускать ему “красного петуха”»¹⁵.

Землепользование на Кубани в 1920-е гг. реализовалось с применением социально-классовых принципов. Борьба с кулацкими хозяйствами велась органами власти с применением разнообразных средств, причем в 1920-е гг. преобладали экономические способы давления на зажиточные хозяйства. Впрочем, неправомерные действия и нажим со стороны властей наблюдались и в отношении обычных казаков-хлеборобов. В заявлении казаков-хлеборобов станицы Бейсужской Краснодарского отдела Кубано-

¹³ Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор... С. 349.

¹⁴ Архив Министерства внутренних дел Краснодарского края (далее – АМВД КК). Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

¹⁵ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

Черноморской области в 1921 г. отмечалось следующее: «По прибытии в станицу Бейсужскую продотряда по разверстке хлеба, начальник такового потребовал от Исполкома о выдаче ему всех кулаков, буржуев, эксплуататоров и спекулянтов. Исполком и выдал нас ему хлеборобов за кулаков. Это потому только, что мы всех больше из станицы сдали в разверстку хлеба, и несмотря на то что нам тружениками хлеборобами сдано по несколько сот, а некоторые и тысяч пудов хлеба, оставив нам по 30 пудов на каждую семью до нового урожая. Продержав хлеборобов несколько дней под арестом, нас привлекли к бессрочной подводной (гужевой) повинности разогнав нас по станицам»¹⁶.

В своем заявлении хлеборобы, обращаясь в казачий комитет, спрашивали, когда же будет конец этой бессрочной повинности, и просили пояснить, что означает слово «кулак», «буржуй», «эксплуататор» и что такое спекулянт? Интересовались, имеет ли представление об этом Исполком?

В результате землеустроительной кампании была уничтожена экономическая основа казачьей станицы – землевладение. Казачьи земли «национализировались» и передавались «пришлым трудовым элементам» из различных губерний. В земельном кодексе Кубано-Черноморской области утверждалось: «Всем гражданам, имеющим право наделения землею проживающих в населенных пунктах признанных малоземельными и желающих получить землю, если они безземельные или расширить свое землепользование разрешается выселиться на свободный запас земель Кубчеро-области»¹⁷.

Переселенцам были обещаны льготы в виде полного освобождения от сельскохозяйственного налога на один год. Те же, кто переселялся на целинные земли, освобождались от налога на три года¹⁸.

Итак, большевики в своей ожесточенной борьбе по сути использовали во многом стихийные миграционные процессы, целенаправленно разжигая сословные противоречия. Власти поддерживали тех, кто был просоветски настроен, и не стремились оказывать помощь там, где их социальные противники «свили контрреволюционные гнезда». Это стало следствием большевистской политики, детерминированной социально-классовым подходом в отношении населения Кубани. Органы советской власти придавали большое значение созданию условий для формирования просоветских настроений.

¹⁶ ГАКК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 255. Л. 60.

¹⁷ Там же. Ф. 157. Оп. 1. Д. 208. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 2.

Взаимоотношения казаков и иногородних

Сведения о настроениях и отношении к советским преобразованиям в кубанских станицах стали одним из важных каналов получения информации советским руководством, поскольку они точно и конкретно отражали характер своего времени.

Институционализация советской политической власти на Кубани в 1920-е гг. и дальнейшее насаждение социалистических порядков в казачьих станицах привели к резкому антагонизму между отдельными социальными группами и новой властью. Особенное недовольство казачества советской властью проявлялось во взаимоотношениях с иногородним населением. И главным камнем преткновения стал земельный вопрос.

В период 1918–1920 гг. было принято считать, что все иногородние – большевики, а все казаки – контрреволюционеры. Подавляющее большинство казаков не симпатизировало советской власти, а иногороднее население, за редким исключением, стояло на советской платформе. Казачество отстаивало свои прежние права, выступая активно против мероприятий советской власти. Скажем, выступая на собраниях по земельному вопросу, казаки выносили постановления об отказе в земле иногородним крестьянам.

В 1925 г. подобные постановления были вынесены в таких крупных станицах, как Тимашевская, Марьинская, Леушковская, Старовеличковская, Сергиевская, Павловская и в целом ряде других станиц, причем в некоторых населенных пунктах эти постановления распространялись и на сотни иногородних хозяйств. Для ясности картины земельного вопроса и наличия классового противостояния на Кубани обратимся к выпискам регулярных информационных сводок ОГПУ, детализация которых позволяет отразить общественные настроения. Мнение казаков в отношении земельного вопроса было фактически единодушным и выражалось следующей фразой: «наделение земель иногородних неправильно, т.к. земля завоевана нашими дедами кровью, поэтому исключительно нам, казакам, и должна принадлежать»¹⁹.

Особенно многочисленные тяжбы иногородних с казаками по земельному вопросу отмечались в 1925 г. Выступавшие на собраниях казаки заявляли: «Давайте отбирать у иногородних землю, ибо они не имеют права пользоваться таковой.... Со всей России на Кубань съехалось много голодающих и хотят отобрать землю у казаков». Звучал призыв к властям выселить наезжих из пределов Кубани и не дать им земли²⁰. При этом на

¹⁹ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

²⁰ Там же.

собраниях представителей казачества принимались решения о наделении землей казаков-эмигрантов, находившихся за границей и предполагавших вернуться в Россию, мотивируя тем, что они, в отличие от пришлого элемента, являлись коренными жителями станиц.

Кроме того, казаки организовано выступили с предложениями по землеустройству, желая произвести раздел земли по трем категориям. В первую входило все казачье население, во вторую – иногородние и коренные жители, в третью – пришлый элемент.

Подавляющее большинство казачества в рассматриваемое время не поддерживало политических установок, не понимало и, следовательно, не разделяло политической сущности советского строя. По этой причине административные структуры собирали и анализировали сведения о настроениях населения в отношении советской власти, по результатам которых вырабатывались заключения о политической устойчивости или неустойчивости поселений. Еженедельно в комячейках всех населенных пунктов активно обсуждались и анализировались политические настроения в казачьей среде²¹. На различных публичных сходах хлебоборобы с большой осторожностью высказывались о мероприятиях советской власти, опасаясь наказания, включая отправку на принудительные работы, как, например, случилось с хлебоборобом станицы Старомышастовской Василием Бурбой, который открыто выразил недоброжелательное отношение к советской власти, за что был отправлен на месяц принудительных работ²². Поэтому население опасалось высказываться публично.

В докладе Армавирского отдельского комитета РКП(б) Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) о политическом положении в отделе за январь 1921 г. отмечалось враждебное отношение населения к партийным органам, к советам – безразличное, к Красной армии – доброжелательно-сочувственное²³.

Наиболее весомым критерием политической устойчивости каждого населенного пункта являлось соотношение казаков и иногородних. К примеру, Горячеключевской район был отнесен к числу устойчивых и благополучных районов Кубани, т.к. количество иногородних преобладало здесь над казаками²⁴. Однако по количеству населения и экономическому значению район не играл большой роли в масштабе всей территории Кубанской области, поскольку подавляющее большинство районов атрибутировалось

²¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

²² ГАКК Ф. 382. Оп. 1 Д. 255. Л. 4.

²³ ЦДНИ КК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.

²⁴ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 37, 39.

как «антисоветские» и «неустойчивые». Например, к числу антисоветских районов органы ГПУ относили: Славянский, Темрюкский, Каневской, Брюховецкий, Краснодарский, Новопокровский. Неустойчивыми считались Кореновский, Тихорецкий, Усть-Лабинский, Приморско-Ахтарский, Тимашевский и Павловский районы²⁵.

К крайне реакционным станицам относили Величковскую, Старомышастовскую, Новомышастовскую, Васюринскую, Марьинскую, Пашковскую, как наиболее активных участников восстаний против советской власти. Даже к 1922 г., по докладам ОГПУ, эти станицы так и не были приведены в состояние политического равновесия.

К числу важнейших факторов, оказавших влияние на политические настроения населения кубанских станиц, относились материально-хозяйственные интересы, порядок землепользования и проч. Фиксировались и настроения населения по острому земельному вопросу. Так, в донесениях компетентных источников по Северскому району отмечалось: «Наши деды проливали кровь за землю, а тут приехали из России и хотят воспользоваться нашей землей. Воевали за панскую землю, а теперь делят нашу казачью»²⁶.

Для зажиточной части казачьего населения было свойственно проявление высокой степени общественно-политической активности, генеральная направленность которой определялась негативным отношением к советской власти. Иногородние слои всецело поддерживали советскую власть, а бедняцко-батрацкие попадали под влияние мнения зажиточных станичников.

Например, станицы Динская и Старокорсунская считались антисоветскими ввиду активных выступлений в 1918–1920 гг. против красных, энергичной поддержки контрреволюции в период Гражданской войны, участия станичных казаков в повстанческих выступлениях²⁷. Население станиц Каневского района почти поголовно участвовало в белом движении. После занятия Кубани Красной армией в 1920 г. казачество продолжило активную борьбу с советской властью, создав бело-зеленые отряды под руководством белых офицеров и начав повстанческое движение. Фаза активной борьбы казачества закончилась лишь после того, как в этих станицах был развязан жестокий красный террор²⁸.

²⁵ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 37, 39.

²⁶ Там же. Л. 41.

²⁷ Там же. Л. 59.

²⁸ Там же.

Уравнение в земельных правах с иногородним казачеством рассматривалось как посягательство на их исконные права на землю. В станицах распространялись различные листовки-воззвания, обличающие мероприятия советской власти.

Любопытная листовка была найдена в станице Усть-Лабинской. В ней читаем: «Граждане станицы Усть-Лабинской и ее окрестностей. Подходит 10-летие Советской власти 7 ноября Октябрьской революции. Чем же мы встретим хорошим или плохим. Я думаю, что ни одна душа в России не скажет, что живется ему хорошо, вообще крестьянину – хлеборобу и также торговцу, из которых советские пиявки сосут последнюю кровь день и ночь, не дают человеку покоя, не дают развернуться своим хозяйством, то заплати налог, то страховку, то за землю пятый раз добавляют, то оборотные, то подоходные. Какую же мы воздадим хвалу и благодарность кто это устроил пролетарское государство, кто же? Тов. Ленин, так пожелаем ему в день 10-й годовщины советской власти проклятие со всей советской России и всех уголков трижды, трижды и трижды анафема проклят и со своими вождями, которые в настоящее время душат народ, как мух скинули царское ярмо, а советских десять недели так что вечно будем рабами. Пролетарии читайте и разумеите, яко с нами бог»²⁹. (Пунктуация сохранена – *И. Ф.*) .

Станицы Анастасиевская, Ивановская и Староджерелиевская, по мнению компетентных органов, в период Гражданской войны находились «под гегемонией главнейшего организующего самостийного центра – станицы Полтавской»³⁰. Отметим, что станица Полтавская, основанная еще в 1794 г. (по другим данным – в 1792 г.), являлась одним из первых сорока куренных поселений черноморских казаков на Кубани. Название перенесено с одноименного куреня Сечи, названного, в свою очередь, по городу Полтаве – самой первой крепости-городка будущей Запорожской Сечи. Славной была история станицы и трагичной – в годы советской власти. Именно Полтавская сыграла исключительную роль в антисоветском движении. Эта станица – одна из крупнейших кубанских станиц – населялась преимущественно казаками, «воспитанными в самостийническом духе», которые «целиком и безраздельно шли за самостийниками»³¹, выступая под этим флагом как против большевиков, так и деникинцев. Органы ГПУ считали станицу Полтавскую ядром украинизации Кубани, насаждавшей антисоветский самостийный дух. Отмечалось, что из-за сильного стремления полтавцев к

²⁹ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

³⁰ Там же. Л. 50 об.

³¹ Там же. Л. 31.

вольности и самостоятельности необходима огромная политическая работа, и даже смена поколения, чтобы выправить самостоятельный дух. В документах ГПУ признавалось, что, несмотря на все политические и иные мероприятия со стороны большевистского руководства по отношению к казаку полтавское казачество оставалось враждебным советской власти³².

В 1927–1929 гг. для таких неблагонадежных станиц партией большевиков был разработан план создания военных совхозов. Для Полтавской была признана чрезвычайная необходимость перемещения сюда «политически преданных красноармейцев» и их семей. Станица оказалась первой в крае, куда они были заселены. После прибытия первого эшелона демобилизованных красноармейцев такой совхоз в станице Полтавской появился. А после высылки казаков и им сочувствующей местной интеллигенции в северные районы страны прибыли новые эшелоны демобилизованных красноармейцев из Белгорода, Бологого, Валук, Горького, Саратова, Станового, Смоленска и др.³³

Отношение хлеборобов к налоговой политике

Однако бурный экономический рост станиц и отдельных хозяйств эпохи НЭПа внес свои коррективы. Населению в условиях НЭПа допускался выбор формы пользования землей из четырех вариантов: подворного, хуторского, общинного или артельного. Население стремилось к индивидуальным формам хозяйствования, причем здесь не наблюдалось большого различия между основными слоями населения: бедняками, середняками и зажиточными.

По целому ряду причин объективного характера более мощные, зажиточные хозяйства, как иногородние, так и казачьи, росли, тогда как бедняцкие прослойки из казаков и иногородних с трудом выживали. Борьба между казачеством и иногородними уступила место борьбе между кулаками и бедняками. В вопросах землеустройства бедняцкая часть казачества объединялась с иногородними, так как только совместными усилиями им удавалось добиться землеустройства, когда беднота получала более удобные близ станиц земли. Точно так же проходили спайки в периоды переборных кампаний в советы, в кооперацию и т.д. Часть же иногородних, наиболее зажиточная, к которой относились торговцы, кустари, откатывались в антисоветский лагерь.

³² АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 57–58.

³³ *Беляева М.Ю.* Фамилии западных районов Кубани: Морфодеривационный аспект. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. С. 26, 32.

Средняя часть казачества в политическом отношении наружно лояльно относилась к большевикам, но в общем была настроена не в пользу советской власти. Так, в отчетах парткомов отмечался рост симпатии населения к советской власти. Например, в отчете Славянского парткома за сентябрь 1922 г. отмечалось, что в станицах отношение к советской власти крепнет, объясняя это активным участием в советизации бывших красноармейцев. Но все же указывалось на недоброжелательное отношение населения к трудгужналогу, который взимался деньгами, которых крестьяне не имели. Более того, вызывало недоброжелательное отношение населения и то обстоятельство, что трудгужналог взимался принудительным порядком³⁴.

Налоговый вопрос стал одним из важных факторов антисоветских настроений в кубанских станицах эпохи НЭПа. Казачество рассматривало налог как лишнее бремя для своего хозяйства. Обложение населения единым сельскохозяйственным налогом (ЕСХН) вызывало проявление резкого недовольства налоговой политикой на Кубани. Особенно это недовольство фиксировалось в среде казаков, т.к. казачество ранее налогов не платило. Среди хлеборобов-казаков наблюдались массовые случаи скрытия объектов обложения. Часто хлеборобы задерживали уплату налога в надежде на получение льгот, скидок и пр. В станице Холмской население заявляло: «Совсем сдерут с нас шкуру: за свиней плати, за коров плати, за себя плати». В Кореновском районе сообщали: «Этот налог уже последний, больше платить не придется т.к. советская власть скоро будет свергнута». В Славянском районе ст. Старо-Джерелиевская: «Налог платить не надо, советской власти скоро конец будет, не больше как неделю ей жить осталось»³⁵.

В отчетах фиксировались многочисленные высказывания недовольства налоговой компанией населения: «Мало на вас еще наложили, нужно было больше, тогда бы вы скорей проснулись. Придется колья брать и гнать пришельцев». (Имеется ввиду большевиков – *И.Ф.*)³⁶. В материалах отчета Екатеринодарского отдела за 1921 г. отмечалось: «Продналог в настоящее время идет хорошо лишь потому, что из станицы на отбывание повинности были отправлены 25 чел. заложников зажиточных с контрреволюционным духом и пользующихся доверием населения». В докладе волкома Березанской волости в августе 1923 г. политическое настроение жителей фиксировалось таким образом (орфографию документа сохраняем): «Настроение крестьянства по волости по отношению к действиям и распоряжениям со-

³⁴ ЦДНИ КК. Ф. 12500. Оп. 1 Д. 49. Л. 39.

³⁵ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

³⁶ ЦДНИ КК. Ф. 541. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

ветской власти пассивное, о чем свидетельствует факт: собравшись граждане на собрание бывают на таковом до тех пор, пока им нужно узнать что-либо для защиты самого себя от повинностей а нет, то в дальнейшем собрание растекается это происходит в волости т.е. станицы Березанской. На собраниях присутствуют пока одно кулачество, а бедноты не видно. В Иркиевской станице господствует в большинстве середняк и бедняк отношение гораздо лучше ко всему и желательней. В Балковской происходит пока то, что и в Березанской. Вообще по остальным сельсоветам население пассивное». И далее указывались меры по улучшению работы волисполкома: «С волисполкомом работа проходит контактная и в дальнейшем пойдет в более тесной спайке. Население к старому исполкому относилось недоверчиво и отвратительно, в настоящий момент немного становится лучше, факты: раньше общих собраний граждан и не соберешь, как видно первое собрание собиралось в звон колокола в продолжении 4-х часов и пришло 40 чел, во второй раз звон колокола 2 часа пришло 120–150 чел и в 3-й раз звонил час прибыло до 300 чел. По видимому в дальнейшем собрание усилится, хотя бедноты нет, а лишь значительный элемент и отношение все тоже пассивное»³⁷.

Обязательным вопросом любого бюро исполкома или ячейки было выполнение ЕСХН. Изучив многочисленные архивные документы, мы можем утверждать, что работа по сбору налогов проходила очень тяжело, о чем свидетельствуют собрания бедноты и красноармейцев. Иногда такие собрания продолжались по несколько часов. Например, сообщалось, что в станице Березанской «удалось провести собрание, в котором со станичниками велась агитация на посещения собраний, поднятие духа и т.п. Заседание продолжалось 7 часов, терпеливо разрешая накопившиеся вопросы. Разошлись с хорошим настроением»³⁸.

Хотя в целом общественно-политические настроения изменялись под воздействием коммунистической пропаганды, стоит признать, что в станицах сохранялось недоверие к официальной информации, а это, в свою очередь, приводило к усилению негативных для власти настроений подавляющего большинства населения кубанских станиц, что объективно создавало угрозу его отчуждения от советской власти.

На продолжительный период после окончания Гражданской войны кубанское казачество сохраняло антисоветские настроения. В его среде вплоть до 1926 г. распространялись устойчивые слухи о недолговечности

³⁷ ЦДНИ КК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 318. Л. 15.

³⁸ Там же.

советской власти, о неизбежности возникновения войны и начала иностранной военной интервенции против СССР. На протяжении ряда лет среди населения многих станиц распространялись слухи о скорой гибели власти Советов, о приходе из-за границы «своих». Кроме того, в 1926 г. во время перевыборов в Советы зажиточное казачество вело открытую анти-советскую агитацию за недопущения в Советы коммунистов и иногородних, что нашло отражение в следующем призыве: «Граждане-казаки, нам в Совет не нужно выбирать босяков, они уже пограбили нас, забрали у нас землю, будем голосовать только за казаков»³⁹. Такая уверенность в непрочности советской власти и кратковременности существования большевистской диктатуры позволяла антисоветским силам вести активную борьбу с большевистской властью. На Кубани неприятие советской власти выливалось в достаточно мощное повстанческое движение, создавались бело-зеленые отряды под руководством белых офицеров.

Тем не менее, начиная с 1924 г. советская власть уже весьма прочно укрепилась на Кубани, чему способствовали как военные оперативные мероприятия, так и оздоровление и укрепление сельского хозяйства.

Однако наряду с ограничениями и вытеснением казачьей культуры с ее постепенным переходом на социалистические «рельсы» власти проявляли чрезвычайную заинтересованность в более глубоком знакомстве с ней. Стремясь воздействовать на политическое сознание населения, власти развернули кампанию по изучению казачества. В протоколе № 66 Армавирского округа от 17 июля 1928 г. под названием «О мерах по изучению казачества в Армавирском округе» признавалось необходимым срочным образом провести специальное изучение «вопроса о казачестве»⁴⁰. Надлежало изучить отношение и политические настроения казачества в целом к власти, партии, РЛКСМ, рост политической активности казачества среди кулацких, середняцких и бедняцких групп станиц. В целях улучшения отношения к советским преобразованиям и власти осенью 1924 г. партийные лидеры инициировали осуществление политики под лозунгом «лицом к деревне», неоднократно уже освещавшийся в историографии. Целью данной политики стало стимулирование прокоммунистических настроений в массах крестьянства и казачества Кубани. Вместе с тем широко разрекламированные мероприятия не снимали напряженности между хлеборобами и властью.

³⁹ АМВД КК. Ф. 18. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁴⁰ ЦДНИ КК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 18–20.

Выводы

Во многом негативное отношение кубанского казачества к мероприятиям советской власти в 1920-е гг. стало ответной реакцией населения на политику государства, на насильственные методы внедрения этой политики, во многом ущемлявшие традиционные хозяйственные, социальные и культурные интересы казаков. Недовольство новой властью было связано в основном с земельной политикой, со сбором различных налогов и повинностей. Данные ОГПУ о политическом настроении казачества и крестьянства Кубани позволяли вырабатывать меры контроля, воздействия и принуждения в отношении «колеблющихся» и «сомневающихся» в истинности генеральной линии партии.

Особое недовольство у зажиточного и даже значительной части среднего казачества вызвала политика, направленная на поддержку беднейших слоев населения. Подобные социальные приоритеты приводили к еще большему расколу и нарушению традиционных отношений среди кубанских хлеборобов. При этом местная власть не располагала в достаточной мере необходимыми материальными ресурсами для оказания полномасштабной поддержки беднейшему населению. Помощь беднякам хозяйствам носила эпизодический и случайный характер и не могла удовлетворить потребности беднейших слоев населения. Среди казачества и бедноты распространялся социальный пессимизм, нарастало разочарование социально-классовой политикой советской власти.

Большевики старательно разжигали извечные сословные противоречия между кубанским казачеством и иногородним населением, рассчитывая в лице последнего обрести прочную социальную опору в окончательном утверждении советской власти на Кубани. Прозелитами и проводниками советской власти становились демобилизованные красноармейцы, переселенцы из центральных регионов, хотя даже среди них встречалось много недовольных проводимой большевиками аграрной политикой. На те же социальные слои опиралась власть в кампании «лицом к казачеству» в середине 1920-х гг., но, увы, исторический шанс был упущен. Проведенный анализ настроений этой части жителей Кубани показал нараставшее чувство недовольства властью, причем среди всех слоев сельского населения. В дальнейшем эти механизмы изучения настроений, контроля и принуждения позволяли проводить достаточно успешную кампанию по советизации кубанских станиц.

© Федина И.М., 2018

Рукопись поступила: 10 августа 2018 г.

Submitted: 10 August 2018

References

- Babichev, M.M. “K voprosu o zemel’noy politike Sovetskoy vlasti na Kubani v 1920–1924 gg.” [On the Land Policy of the Soviet Government in the Kuban in 1920–1924] *Velikiy Oktyabr’ i pervye social’no-ehkonomicheskie preobrazovaniya na Kubani* [The Great October and the first socio-economic transformations in the Kuban]. Krasnodar: [S.n.], 1974 (in Russian).
- Belyaeva, M.Y. *Familii zapadnykh rayonov Kubani: Morfoderivacionnyy aspect* [Surnames of the western districts of the Kuban: Morphoderation aspect]. Stavropol: SGU Publ., 2008 (in Russian).
- Chernopickiy, P.G. “Sovetskaya vlast’ i kazachestvo” [Soviet power and the Cossacks]. Part 1 of *Problemy kazach’ego vozrozhdeniya* [Problems of the Cossack Revival]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don University Publ., 1996 (in Russian).
- Goldentul, I. *Zemel’nye otnosheniya na Kubani: kratkiy ocherk* [Land relations in the Kuban: a short essay]. Krasnodar: Tradiciya Publ., 2009 (in Russian).
- Karelin, E.G. “‘Zapadnaya oblast’ gosplana: iz istorii ehkonomicheskogo raionirovaniya strany v 1920 gg.” [“Western region of the state plan”: from the history of economic zoning of the country in the 1920s] *Rossiyskaya istoriya*, no. 10 (2010): 15–18 (in Russian).
- Klenner, I.M. *Deystvitel’nost’ kubanskoj stanicy* [The validity of the Kuban village]. Krasnodar: Burevestnik Publ., 1924 (in Russian).
- Kondrashin, V.V. *Krest’yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyah revolyucii 1917 g. i grazhdanskoj vojny: nacional’no-regional’nyy aspect* [The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and civil war: the national-regional aspect]. Moscow; Saransk: Nauchno-issledovatel’skiy institut gumanitarnykh nauk pri Pravitel’stve Mordovskoy Respubliki Publ., 2017 (in Russian).
- Konyukov, I.A. *O rassloenii krest’yanskikh hozyajstv Kubani* [On the stratification of peasant farms in the Kuban]. Krasnodar: Adygcherkprom Publ., 1928 (in Russian).
- Kucenko, I.Y. *Bor’ba partorganizacij Kubani za вовлечение v socialisticheskoe stroitel’stvo kazach’ego naseleniya v 1920–1925 gg.* [The struggle of the Party organizations of the Kuban for involving in the socialist construction of the Cossack population in 1920–1925]. Krasnodar: [S.n.], 1963 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V. *Kazach’e-krest’yanskoe samoupravlenie epohi NEPa: problemy modernizacii vlastnykh otnosheniy na yuge Rossii* [Cossack-Peasant Self-Government of the NEP Age: Problems of Modernization of Power Relations in the South of Russia]. Novocherkassk: Lik Publ., 2014 (in Russian).
- Pankova-Kozochkina, T.V., Bondarev, V.A., and Skorik, A.P. *Kazach’e-krest’yanskoe hozyajstvo epohi nehpa: problemy modernizacii agrarnykh otnosheniy na Yuge Rossii* [Cossack-Peasant Economy of the NEP Age: Problems of Modernizing Agrarian Relations in the South of Russia]. Novocherkassk: Lik Publ., 2012 (in Russian).
- “Rabotniki sel’skikh sovetov 1920-h gg.: nomenklturnye podhody bol’shevikov i social’nye trebovaniya krest’yanstva (na materialah yuga Rossii)”. [Workers of village

- councils of the 1920s: the nomenclature approaches of the Bolsheviks and the social demands of the peasantry (on the materials of the south of Russia)]. *Rossiyskaya istoriya*, no. 6 (2011): 136–145 (in Russian).
- Perekhov, Y.A. *Kazachestvo i vlast': poisk konsensusa* [Cossacks and power: the search for consensus]. Novocherkassk: Gefest Publ., 1995 (in Russian).
- Polozhenie o socialisticheskom zemleustrojstve i o merah perekhoda k socialisticheskomu zemledeliyu* [The Provision on Socialist Land Management and the Measures for the Transition to Socialist Agriculture]. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_442.htm (in Russian).
- Rogalina, N.L. “Zadachi i uroki izucheniya rossijskih agrarnyh reform XX veka.” [The tasks and lessons of studying the Russian agrarian reforms of the twentieth century]. *Rossiyskaya istoriya*, no 4 (2011): 3–13 (in Russian).
- Skorik, A.P. “Kazaki Yuga Rossii i sovetskaya vlast' v 1917–1929 gg: vzaimootnosheniya v preddverii ‘velikogo pereloma’.” [Cossacks of the South of Russia and Soviet power in 1917–1929: the relationship on the eve of the “great fracture”] Vol. 3 of *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee: Collection of Scientific Articles* [Cossacks of Russia: past and present]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre of Russian Academy of Science Publ., 2010 (in Russian).
- Skorik, A.P., and Fedina, I.M. *Kubanskij hutor: fazy topohromnoj ehvolyucii (konec XVIII – pervaya tret' XX v.)* [Kuban farm: the phases of topochromic evolution (the end of the XVIII – the first third of the XX century)]. Novocherkassk: Lik Publ., 2016 (in Russian).
- Shchetnyov, V.E. “Kubanskaya stanica do kollektivizacii sel'skogo hozyajstva” [Kuban village before the collectivization of agriculture] *Velikij Oktyabr' i pervye social'no-ehkonomicheskie preobrazovaniya na Kubani* [The Great October and the first socio-economic transformations in the Kuban]. Krasnodar: [S.n.], 1974 (in Russian).
- Uldricks, Teddy J. “Russia and Europe: Diplomacy, Revolution, and Economic Development in the 1920s.” *The International History Review*, no. 1 (January 1979): 55–83.

Archives

- AMVD KK, f. 18, op. 1, d. 10.
GAKK, f. R-890, op. 1, d. 75 a.
GAKK, f. R-102, op. 1, d. 29.
GAKK, f. R-382, op. 1, d. 255.
GAKK, f. R-157, op. 1, d. 208.
CDNI KK, f. 12, op. 1, d. 47.
CDNI KK, f. 1771, op. 1, d. 318.
CDNI KK, f. 541, op. 1, d. 6.
CDNI KK, f. 12500, op. 1, d. 49.

Kuban farmers' attitudes toward Soviet agrarian transformations in the 1920s

Irina M. Fedina

Kuban State University

149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russia

ir_Lap@mai.ru

Abstract: How did the residents of Kuban region perceive the agrarian transformations that the Soviet authorities carried out in the post-revolutionary period? The archival sources studied in this paper reveal the attitude of the villagers to the land and tax policies of the Soviet state, their sentiments towards Soviet modernisation, as well as the relationship between Cossacks and non-residents during the land management campaign. While the history of the Kuban villages in the 1920s has attracted the interest of many researchers and regional historians, the sentiments and attitudes of the population towards the agrarian reforms by the Soviet authorities have so far received little attention. The measures of the Soviet state contributed not only to the eradication of the traditional Cossack culture but also radically altered the socio-economic and cultural profile of the Kuban villages, leading to the loss of Cossack identity. The article analyses the role of the Soviet authorities in the imposition of a socialist order. In the 1920s, their aim was the dissemination of pro-Soviet sentiments among the Kuban grain farmers. To this end, party and state authorities used various means and methods. Therefore, the study of the sentiments and attitude towards the Soviet authorities' actions has become an important channel for obtaining information. The Soviet organs attempted to investigate the attitudes of the farmers and took these data in account for adjusting their policies. The documents produced in this process have been a central source for the present article. In the 1920s the authorities launched a large-scale ideological project to make the Kuban population accept the Soviet worldview and embrace an archetypical Soviet mentality. In particular the poor and the non-urban population became pillars of social support for the new regime. The mechanisms that the Soviets applied for studying the sentiments of the Kuban grain farmers, together with other instruments of control and coercion, allowed the authorities to conduct a fairly successful Sovietisation campaign in the region, and to attract new proselytes to their side.

Keywords: Cossack village, land management campaign, Sovietisation, Kuban, farmers, grain growers, sentiments, Soviet power

For citation: Fedina, Irina M. "Kuban farmer's attitudes toward Soviet agrarian transformations in the 1920s." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 792–811. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-792-811>